

1999 — 1990 — 1980

Александр МИШАРИН:

ЧУВСТВО ПРЕДВИДЕНИЯ

Имя Александра Мишарина хорошо известно и в рекомендациях не нуждается. Книги писателя и в особенности его пьесы, такие, как «Серебряная свадьба», «Равняется четырем Франциям», и другие, как бы опережали время, в которое они были написаны: коррупция среди верхушки общества, безответственность и нравственное перерождение некоторых руководящих партийных работников, развал экономики страны — вот что волновало писателя и отразилось в его творчестве.

Вышел в свет новый роман Александра Мишарина — «Карьера». Он также посвящен острым темам. С него мы и начали наш разговор.

— Ваш роман сочетает в себе по жанру признаки семейного романа, а также политического детектива. И все-таки основной интерес сосредоточен на том, что вы анализируете сложную картину жизни «высших коридоров власти», пытаетесь проследить истоки возникновения коррупции, протекционизма, наставности, системы «позвоночников» и т. д. Как вы считаете, удастся ли обществу избавиться от этих негативных черт?

— Я специально выбрал для моего романа этот жанр — с хитросплетениями сюжета, узнаваемостью «высоких лиц», действовавших в конце периода застоя. Но если говорить о романе «Карьера» шире, то я задумал его как книгу о русском дворянстве, о людях, которых убивали лишь за принадлежность к этой «касте». Это началось с первых дней революции, и только разве что в последнее время дворянское происхождение перестало быть черной чертой биографии человека. Так вот, в «Карьере» действуют несколько поколений так называемого «служивого дворянства». У него был свой «кодекс чести», и люди считали (и совершенно справедливо), что честь — превыше всего. Вспомните «Капитанскую дочку». С чего она начинается? С эпиграфа «Береги честь смолоду». То есть делай свое дело честно. Качество, которое сейчас является колоссальным дефицитом. Все мы в какой-то мере стараемся «улизнуть» от своих обязанностей или исполнять их лишь «вполсилы». Хотел бы прочитать вам запись из моей записной книжки, которая не вошла в роман, но кажется мне примечательной:

«Руки, разучившиеся пахать, жать, молотить, печь, косить, научились голосовать, воровать, стучать по столу, лезть с потной пятерней к начальству, — они все голосуют и голосуют... Уж скоро воровать-то будет нечего, и реки опустели, и хлеб за границей покупаем, и что-то страшное мелкает в глазах «простых рабочих»...

— Это о ком же вы так, Александр Николаевич?

— Я имею в виду тот люмпен-пролетариат, который долгое время мы выдавали за рабочий класс. Я сделал эту запись лет 6—7 назад, но она важна для меня и сегодня. Возникла масса проблем, и среди них уже не видно компаса, по которому мы движемся. Кто-то нас призывает идти «в хвост» к капитализму, кто-то предлагает другие «рецепты», однако мы все еще где-то на распутье. Я не думаю, что социализм сможет выдержать такую идеологическую пустоту вокруг него.

— Почему так заметно ослабло влияние интеллигенции на современное общество?

— Интеллигенция оказалась настолько ослаблена за эти годы — польщена, куплена, что она не может сегодня дать серьезные ответы на глобальные вопросы жизни общества. Мы являемся свидетелями доходящих до крайностей конфликтов, «драк», особенно среди интеллигенции. Никогда за все годы Советской власти интеллигенция не теряла так свой авторитет в народе, как за последние 4—5 лет. Припоминают друг другу то, что кто-то когда-то не то написал, и это «не то» противоречит нынешним высказываниям человека. Стали «модными» (дурная, надо сказать, «мода») различные компрометирующие письма, «разоблачения», вытасканные из подозрительных «архивов», — и все это выносятся на страницы прессы под флагом гласности. Такое есть и в писательской среде и частенько всплывает среди народных депутатов различных уровней, вызывая нездоровую реакцию людей, порождая нехорошие слухи и всевозможные домыслы. Пора уже кончать с этим позорным явлением — сбором «компромата». Ведь за посягательство на честь и достоинство человека раньше вызывали на дуэль. Я лично не ощущаю необходимости выяснять, почему, например, Пастернак когда-то хорошо писал о Сталине. Ведь не в этом дело...

— Вы много пишете о партийных работах, и я очень удивилась, узнав, что вы — беспартийный.

— Мой отец был репрессирован. С раннего детства я видел обратную сторону нашей действительности. Когда-то говорили: «Давайте вступать в партию, чтобы в ней было больше порядочных людей». Но больше таким образом партия не может измениться, потому что в партии, как в любом организме, происходят свои, закономерные процессы, своя борьба (она шла, как мы знаем, во все времена). У меня нет ощущения того, что в истории нашей партии есть абсолютно «святые» люди. И это не прозрение сегодняшнего, уставшего от чтения мемуаров и газет человека, а плод многолетних наблюдений и размышлений. Я, на-

пример, слышал от родителей, что Дзержинский был очень жестокий человек, потому что ему в жизни попадались очень плохие и жестокие следователи и он очень ожесточился. Я это услышал от сестры, и мне стало грустно. Дзержинский — «друг детей», «рыцарь революции» и — вдруг! Или когда я читал в воспоминаниях Коллонтай о том, как Дыбенко, когда он командовал Одесским округом, свез в некий дворец все награбленное в Одессе, то для меня образ революционера тоже достаточно потускнел. И у меня не было ощущения, что есть какие-то люди, за которыми надо идти. В партии были и есть порядочные люди, а есть и такие, с которыми в разведку, как говорится, не пойдешь. Я знал многих, кто рвался в партию и лишь компрометировал ее. Думаю, что не они, к сожалению, сдадут сейчас билеты, а люди, которые относятся к этому серьезно. Ведь надо иметь определенное гражданское мужество, чтобы совершить и такой поступок.

Вот сейчас говорят о падении авторитета партии. Да, это так. В чем же дело? Когда распахнулись двери, открылись шлюзы, то есть демократизация общества стала нарастающей, то что ставилось в заслугу партии? «Мы первые начали перестройку». Это хорошо, но этого, увы, недостаточно. Ведь начало — это лишь полдела. А что же дальше? Получилось так, что между идеологической революцией и экономическим движением обнаружился большой разрыв. И это очень страшно! Отсюда пустые прилавки, коррупция, организованная преступность, создание тайной финансовой олигархии.

Думаю, что в течение года-двух нас ожидают серьезные пики катаклизмов, в основном национальных. И если наша страна не будет разорвана национальными конфликтами (на что я очень надеюсь), то мы избежим краха. Я не пессимист и возлагаю большие надежды прежде всего на славянские народы, то есть на Россию. И не надо, на мой взгляд, «давить» на другие республики, чтобы они остались. Иначе последствия могут быть очень тяжелыми...

— Роман ваш посвящен временам застоя. А почему вы не пишете о сегодняшнем дне? Бойтесь?

— Нет, но ведь тогда тоже происходили события, которые подготовили перестройку.

За 70 лет мы разучились осознавать, что мы живем во времена политической борьбы. Сейчас она вырвалась на площади, на газетные и журнальные страницы, экраны телевизоров. Игра идет без правил. Каждая сессия непредсказуема по своим результатам. Каждый пленум — это почти политический переворот. Повторю: мы живем в эпоху острой политической схватки. Вместе с тем даже иные наши «прорабы перестройки» тянут одеяло на себя, стараясь ухватить кусок пожирнее. Политика и теперь нередко становится, на мой взгляд, профессией для добывания благ.

Возвращаясь к вопросу, почему я пишу только о прошлом, скажу: нет, я ничего не боюсь. Недавно закончил пьесу, отдал ее во МХАТ и театр Вахтангова. Она называется «Снайпер» или «Предостережение», действие ее происходит сегодня, а может быть, даже завтра. Это сложная политическая пьеса с очень острым сюжетом — история покушения на политического лидера, и действуют там люди, которые сразу узнаваемы. У меня, я надеюсь, есть чувство какого-то предвидения, предчувствия, этим, очевидно, объясняется то, что я замечаю политические тенденции несколько раньше других.

— Вы упомянули о своей новой пьесе... Но театр сейчас тоже в кризисе.

— Дело, на мой взгляд, в том, что театр долгое время стремился выполнять не свойственную ему функцию публицистики, а сама художественно-психологическая суть театрального искусства отошла на второй план. Сейчас театр легкомысленно и, я бы сказал, бояливо отказывается от современной драматургии, предпочитая прятаться за «широкую спину» классиков, русских и зарубежных, которых ставить, безусловно, надо, но не они, думается, способны сегодня вернуть наших современников в театральные залы. А драматурги слишком легко сдались, многие ушли в другие жанры — прозу, кино и т. д. Но, слава Богу, сейчас, как мне кажется, и режиссеры, и драматурги наконец поняли, что они друг другу нужны. И это отрадно.

Вела беседу
Валентина ЖЕГИС.